

решение вопроса адаптации «Как я буду жить?» [3, с.203]. Скорее социальное становление сейчас – это не задача поиска смысла, а задача адаптации.

Литература

1. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 487 с.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с.
3. Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб.: Питер, 2004.- 208 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. – 3-е изд., доп. и исправл. / Пер. с фр., состав., вступ. Ст. и примеч. А. Гофмана. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 400 с.

Швандерова А. Р.,
г. Ростов-на-Дону

АБЕРРАНТНЫЕ ДИСПОЗИЦИИ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Современное общество по оценкам ведущих ученых характеризуется как общество риска. Э. Гидденс рассматривает риск как неотъемлемую характеристику функционирования современного общества и связывает его с активной преобразовательной деятельностью субъекта, направленной на кардинальное переустройство социальной системы: концепция риска предполагает наличие общества, активно пытающегося порвать с собственным прошлым, – а это главная характеристика индустриальной цивилизации нового и новейшего времени. Институциональные преобразования в России на протяжении последних двух десятилетий, имеют эту же направленность – разрыва с советским этапом прошлого. Их радикальный характер вызвал аномию социетальной подсистемы общества, нарастание рисков технологических катастроф и социальной напряженности.

Но не менее остро встала проблема социализации молодежи в этих условиях, поскольку радикальные реформы 90-х гг. разрушили один из главных принципов функционирования институциональной системы – принцип единства базовых ценностей, продуцируемых различными социальными институтами. Эта ситуация обуславливает активизацию инновационных практик молодежи, которые в значительной степени не укладываются в рамки ожидаемой обществом конформистской модели поведения.

В последние годы молодежь на массовом уровне все в большей степени стремится реализовать свою активность за рамками социально значимых целей. Определенная часть молодежи либо уклоняется от социальной активности. Либо стремится решить проблемы, преступая закон. По данным ВЦИОМ, около 6,5% молодежи (от 2,3 до 2,8 млн.) ежегодно уходят в сферу «теневой экономики».

С этими цифрами связана также устойчивость молодежной преступности. В частности, на региональном уровне, например, в Ростовской области в период с 2000 по 2009 год она сохраняется на уровне более 2,5 тысяч выявленных правонарушений в год. Всероссийские опросы свидетельствуют о высокой степени лояльности молодежи к различным формам криминальной деятельности. Так, 18,1% считают возможным участвовать в криминале, из них 9,1% полагают, что это нормальный способ получения дохода. Еще более широкая группа – 25% респондентов не связывают свою деятельность с общественно-полезным трудом. Приведенные данные свидетельствуют о широкой распространенности в молодежной среде аберрантности – готовности к девиантным и делинквентным формам поведения. Системный анализ влияния социально-экономической трансформации российского общества на жизнь молодых поколений дает основание исследователям утверждать объективную обусловленность формирования у значительной части российской молодежи аберрантных диспозиций, и в этом проявляется рисковость социализации молодежи.

В настоящей статье автор, опираясь на ролевую теорию личности, согласно которой модель поведения является естественно-адаптационной реакцией человека на возникновение в обществе противоречий, впервые изложенную Э.Дюркгеймом и Р. Мертоном, позицию неoinституционализма, принадлежащего к неоклассическому направлению (Р. Коуз, Д. Норт), эвристический подход к объяснению механизма социальной адаптации в условиях стремительных преобразований институциональной структуры российского общества риска, включающий в анализ причин этих преобразований культурно-цивилизационный фактор, разрабатываемый представителями новосибирской школы социологии: Т. Заславской, О. Бессоновой, С. Кирдиной, Р. Рывкиной, формулирует теоретико-методологические основания исследования аберрантного поведения, что предполагает рассмотрение типов девиантного поведения в условиях социальной аномии, социокультурных предпосылок аберрантного поведения в обществе риска и факторов габитуализации аберрантности российской молодежи. В контексте данного подхода автором предпринята попытка объяснить экспансию различных типов девиантного поведения и их институционализацию в современном российском обществе риска.

Концепции Э.Дюркгейма и Р. Мертона описывают и объясняют соционормативные аспекты регуляции поведения. Дюркгейм акцентирует внимание на переходных периодах в развитии общества, Мертон – на стадиях относительно стабильного функционирования, рассматривая девиантное поведение как продукт социальной адаптации. Типологизируя девиантные формы поведения, Мертон описывает их безотносительно к регулирующим нормативным системам и мотивации поведения. Применение этих параметров к известной типологии предполагает дополнительное измерение девиации поведения и обуславливает введение новой характеристики – аберрантности (готовности к девиантным и делинквентным формам поведения).

Покажем природу и роль аберрантности в типологии девиантного поведения, обратившись к теории Р. Мертона. Он выделяет:

- **нонконформистское поведение** (принципиальное отклонение) - социально значимое отклонение от общепризнанных норм поведения, определяющее наиболее прогрессивный в энергетическом, а значит, и в адаптационном плане, вектор эволюционного развития общества;

- **аберрантное** - девиантное целесообразное поведение в условиях дезорганизации, дисфункции основных социальных институтов, патологии социальных связей, взаимодействий, то есть всего того, что со времен Э. Дюркгейма определяется как аномия.

Нонконформистским поведение является тогда, когда способствует прогрессу системы, повышает уровень её организованности, помогает преодолеть устаревшие, консервативные или даже реакционные стандарты поведения, а *аберрантным*, когда допускает совершение человеком или группой людей социальных действий, отклоняющихся от доминирующих в социуме (отдельной социальной группе, страте) социокультурных ожиданий и норм, общепринятых правил выполнения социальных ролей, влекущих за собой сдерживание темпов развития общества: разрушение энергетического потенциала отдельных личностей и общества в целом. Разрушительная (асоциальная) девиация это не только и не всегда поведение, уголовно наказуемое, запрещенное законом, она является лишь одной из форм данного вида девиантного поведения.

Чтобы показать роль аберрантности в типологии девиантного поведения, Р. Мертон сравнивает нонконформистское и аберрантное поведение:

Нонконформизм - публичное поправление социальных норм, включающее инновацию, ритуализм, мятеж, эскапизм.	Аберрантность – целесообразное и скрытное использование социально неодобряемых, в том числе инновационных средств достижения цели.
1. Нонконформисты публично объявляют о своем несогласии с социальными нормами.	1. Аберранты публично соглашаются, стремясь избежать общественного осуждения.
2. Бросают вызов законности,	2. Осознают законность норм, которые

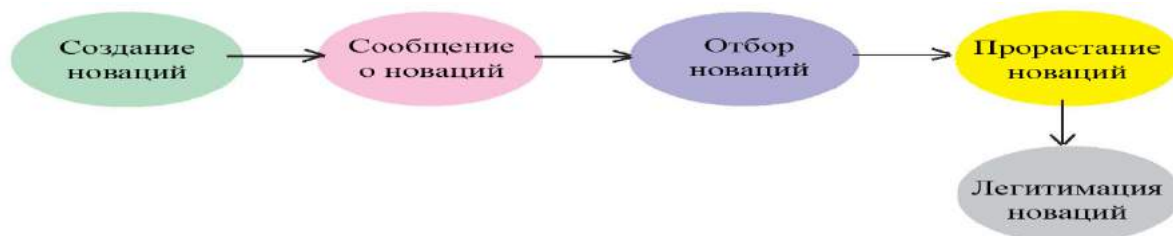
социальным нормам и противостоят их применению.	и нарушают, но считают такое нарушение приемлемым для себя.
3. Стремятся заменить морально подозрительные с их точки зрения нормы теми, которые кажутся им морально обоснованными.	3. Стараются избежать наказующего воздействия существующих норм, не предлагая им замены.
4. Становятся социальной нормой вследствие дискретного институционального изменения, целенаправленного проектирования (посредством инновационных изменений).	4. Оцениваемые большинством как успешные, целесообразные, становятся «законными» нормами путем институализации, часто как результат политической популистской спекуляции.

Следовательно, нонконформизм и аберрантность – два альтернативных типа девиантного поведения, имеющие инновационный характер положительной и отрицательной направленности. Аберрантность конкретизирует все четыре основных формы девиации – инновацию, ритуализм, мятеж, эскапизм – с точки зрения утверждения активной индивидуальной мотивации поведения, направленной на установления права на личностные предпочтения и противопоставления личности сложившемуся социальному порядку и является переходной формой к делинквентности.

Аберрантность, по нашему мнению, чревата опасностью «незаметного» перехода к делинквентности, поскольку искажения в системе ценностей, неизбежно ведут к разложению социальных институтов: возникает «двойная мораль», при которой противоречивые нормы используются одним и тем же лицом или социальной группой для разных целей. Развитие аномической деморализованности (растерянность, вызванная отсутствием как ценностей так и регулирующих норм) порождает нормативные реакции на аномию.

Чтобы понять механизм таких нормативных реакций и увидеть результат изменений, необходимо сосредоточиться на способе, при помощи которого нормы (или измененные нормы) возникают из действий, рассмотреть схему инновационного процесса:

Однако данная схема развития инновационного процесса возможна только в стабильном обществе, в котором девиация не выходит за рамки критического для системы уровня. В обществе же риска, аномических явлений инновационный процесс утрачивает последовательность, механизмы селекции перестают функционировать, появление, распространение и внедрение новых, отклоняющихся от былых стандартов, норм носит хаотичный характер, что еще больше усиливает нестабильность социума. Так, генезис аберрантного поведения предполагает следующие этапы нормативного морфогенеза:

Альтернативный механизм, обуславливающий генезис неконформизма, состоит из таких этапов:

Таким образом, аберрантность как мотивационное измерение девиации – естественная и неотъемлемая часть социальной жизни, т.к. ненормативное поведение является одним из путей адаптации социума к неизбежным изменениям.

Обращение к позиции неoinституционализма, принадлежащего к неоклассическому направлению, позволяет, на наш взгляд исследовать структурные и функциональные связи между аберрантностью и институциональной системой общества риска.

Неоинституционализм, исходит из двух общих установок: во-первых, социальные институты имеют значение и, во-вторых, они поддаются анализу с помощью стандартных инструментов экономической теории. Институты, понимаемые неоинституционализмом как набор правовых норм и неформальных правил, включают в себя формальные и неформальные ограничения. **Формальные** — правила поведения, которые закреплены законом и за выполнением которых следит государство. **Неформальные** — правила поведения, которые существуют в виде традиции или привычек и воспроизводятся без вмешательства третьей силы. Неформальные ограничения более консервативны, труднее поддаются изменению.

Важную методологическую роль для исследуемой проблемы играет неоклассическая концепция рациональности, основанная на индивидуализме. В общем виде, сущность подхода, предлагаемого теорией рационального выбора, состоит в том, что социальная среда, социальная ситуация

структурируют альтернативы, стоящие перед акторами (индивидами или группами), и оказывают решающее влияние на принимаемые ими решения. При этом стратегии избранного поведения объясняются преимущественно с помощью ограничений и возможностей в рамках осуществления выбора конкретной стратегии. Теоретики рационального выбора А. Даунс, М. Олсон, Г. Беккер, Д. Коулмен, развивая экономические и *социологические теории*, объясняют, что индивид должен делать, если действует рационально.

На названных методологических принципах основан, на наш взгляд, эвристический подход к объяснению механизма социальной адаптации в условиях стремительных преобразований институциональной структуры российского общества риска, включающий в анализ причин этих преобразований культурно-цивилизационный фактор, разрабатываемый представителями новосибирской школы социологии: Т. Заславской, О. Бессоновой, С. Кирдиной, Р. Рывкиной. В их исследованиях показывается взаимодополнительность социальных институтов, функционирующих в социальных системах различного цивилизационного типа.

Традиционные институты функционируют на основе нормативных структур, жестко предписанных обычаем или ритуалом. Современные институты допускают свободу выбора индивидуальных и групповых норм поведения. По нашему мнению, комплементарность институциональных элементов объективно обуславливает формирование рисков и необходимости адаптации к ним. В условиях дисфункции базовых социальных институтов, вызванной сменой ценностно-идеологической системы, изменение баланса общественных и личных интересов в сторону прагматического эгоизма, девальвацию опыта старших поколений, необоснованный рост материальных притязаний на фоне правового нигилизма, аберрантная мотивация девиантных форм поведения легализуется в качестве нормативной, которая вытесняет абстрактно всеобщие мотивы поведения — правовые и

нравственные – на периферию общественной жизни, утверждая эгоизм в качестве права на индивидуальность.

Аберрантная мотивация тем самым формируется как габитус рискованного общества, стирая границы между девиантными и делинквентными формами поведения. Полностью завершается этот процесс в результате передачи институционализируемых образцов новому поколению. В результате молодежь рассматривает аберрацию как эффективную практику индивидуальной адаптации к новым условиям, объективно приспособленную для включения молодого поколения в посттрансформационные процессы современной России – габитуализирует мотивации аберрантного поведения. Этот вывод подтверждает обобщение значительного объема материалов эмпирических исследований, которые показывают: среди современной молодежи доля тех, в чьем социальном опыте аберрантное поведение уже имеет место, либо потенциально готов к нему, значительна (только каждый 10-й готов соблюдать моральные и правовые нормы!), то есть, для значительной части молодежи поведение, отклоняющееся от нормы, стало практически единственным доступным способом социальной адаптации.

Литература

1. Аналитический доклад Института социологии РАН «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты». 2007. Интернет-сайт: <http://www.isras.ru>
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. – М. 2000.
3. Бессонова О.Э. Общая теория институциональных трансформаций: парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России. //Социологические исследования. 2008 г. № 1..
4. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // TESIS. – 1994. – Вып. 5
5. Дюркгейм Э. Самоубийство. М. 1994.

6. Заславская Т.И., Шабанова М.В. Социальные аспекты трансформации неправовых практик. //Общественные науки и современность. 2001. № 5
7. В. Г. Зарубин, Н.А. Мартыанова Концепция структурного функционализма Роберта К. Мертон: - Ростов-на-Дону- СПб. 2010.
8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления.// Вопросы образования. 2008. № 4.
9. Кирдина С. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная теория // Социологические исследования.2001.- № 2.
10. В.П. Култыгин. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние. // Социологические исследования. 2004.№ 1
- Петухов В. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян.//Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные проблемы. 2008. № 1.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики./Пер. с англ. Н. Нестеренко; предис. и науч. ред. Б.З. Мильнера: -М. 1997;
12. Merton R.K/ Social Research and Practicing Profession. Cambridge. 1982 (Использован перевод из: Штомпка П. Социология социальных изменений. /Пер. с англ. под ред. Ядова В.А.-М.: 1996.

Шматков Р. Н.,
г. Новосибирск

ЗАДАЧИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ АНАЛИЗЕ РЕФОРМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В целях определения задач методологической функции философии образования при анализе реформ высшего образования необходимо определить понятия «реформа» и «реформирование» с позиций социальной философии.